

взял сентенцию не непосредственно из евангелия, но из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, почти дословно повторяя его текст. Иларион говорит о «старом» законе — иудействе и «новой» благодати — христианстве и рассказывает об их борьбе: «и не принимаше въ Иерусалиме христианская церкви епископа необрезана, понеже старейше творяще сущие от обрезания насиловаху на христианыя, рабичичи на сыны свободныя». И далее: «Тако иудейство, аще и прежде бысть, но благодию христиане болши беша». Иларион также утверждал, что для новой веры нужны новые люди: «Лето бо бе благодати и истине на новые люди възсияти»³⁵. Сравнивая подчеркнутые нами слова Илариона с приведенным текстом летописной повести, можно утверждать, что, пользуясь «Словом о законе и благодати», автор повести как бы проводит прозрачную аналогию: старая боярская «правда» подобна «ветхому закону» — иудейству, а новая «правда» владимирских горожан — «новой благодати», христианству. Здесь, в летописной повести, смысл евангельской цитаты ясен: «премудрые» — это ростовцы и суздальцы, бояре, хотя и «старейший», но не понявшие божьей правды, которая оказалась ясной «младенцам» — владимирским мизинным людям, горожанам, избравшим Михаилку. Соблазнительно думать, что и в «Житии Леонтия», и в речи Андрея по поводу открытия мощей Леонтия та же цитата имеет тот же политический подтекст — останки Леонтия не открылись самим ростовцам, а бог открыл их на пользу «младенцев», владимирских и иных мизинных людей. Ростовский епископ становился в их борьбе на их сторону. Это толкование может быть подтверждено свидетельством вымышленного «Жития» Леонтия о том, что «старцы» упорствовали в неверии и он стал совращать в христианство «детей». Вспомним также, что боярская знать не очень верила в какие-либо мощи, о чем свидетельствует знаменитый рассказ Киево-Печерского патерика о суздальском боярине Василии, проявившем явный скептицизм к святости останков Феодосия печерского³⁶.

Сказанное позволяет утверждать, что и сама политическая концепция изучаемого документа — легенда о древности христианства на русском Северо-Востоке — была связана с инициативой князя Андрея. Прямая связь этого политического мифа с вопросом о самостоятельности владимирской церкви позволила В. О. Ключевскому с полным основанием предположить, что в этом деле прямым образом участвовал и епископ Федор, что «под влиянием феодоровских взглядов» и могло сложиться «это предание, столь согласное со стремлениями Феодора»³⁷. Упорная церковно-политическая борьба Андрея и Федора, освещенная выше, и была причиной того, что канонизация Леонтия не получила поддержки митрополита. Она произошла лишь позднее, при Всеволоде III, когда, учитывая опыт Андрея, в «Житии» «уничтожили следы стремлений Феодора»³⁸.

4

В свете изучения краткой редакции «Жития» Леонтия и выяснения ее церковно-политической задачи приходится по-новому оценивать отраженные легенды о ранней христианизации Северо-Востока в русском летописи-

³⁵ О. Бодянский. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского. ЧОИДР, 1848, № 7, стр. 24—27.

³⁶ Патерик, стр. 62—64.

³⁷ В. О. Ключевский. Жития, стр. 18—19; М. Д. Приселков. Очерки, стр. 137.

³⁸ В. О. Ключевский. Жития, стр. 19.